

А.Н. Ямсков

Концепция экологической ниши в этноэкологии *

Понятие *экологическая ниша*, несомненно, входит в базовый понятийно-терминологический аппарат биоэкологии и потому обоснованно включается даже в соответствующие разделы учебников по экологии для старших классов средней школы (см., например: Мамедов и др., 1998: 127). Однако если мы обратимся к той области знаний, которую корректнее всего обозначить обобщающим термином *антропоэкология*, то увидим явный парадокс - интересующее нас понятие практически в ней отсутствует либо встречается эпизодически и притом используется чаще всего не вполне корректно. Сказанное относится прежде всего к исследованиям в области социальной экологии и в особенности к *этноэкологии*, являющейся одним из её разделов. Следовательно, явно назрели вопросы о причинах данного явления и о том, нужно ли вообще указанное понятие специалистам в сфере этнической экологии, а если да, то почему.

Прежде чем попытаться ответить на поставленные выше вопросы, а точнее - высказать свою точку зрения на них и тем самым пригласить специалистов к дискуссии, следует хотя бы вкратце остановиться на используемых терминах и привести некоторые доказательства обозначенного выше парадокса.

О возможной трактовке термина антропоэкология и о месте в ней этнической экологии мною уже было сказано (Ямсков, 2003). Подчеркну лишь, что подобное представление об антропоэкологии как совокупном обозначении предметной области экологии человека и социальной экологии восходит к последним работам ведущих отечественных специалистов в области биоэкологии, экологии человека и антропологии - Н.Ф. Реймерса (1994: 283), Б.Б. Прохорова (1998: 5-6) и В.П. Алексеева (1991: 184) соответственно.

* Текст пленарного доклада, прочитанного 11 февраля 2004 г. на 11-ых научных чтениях памяти выдающегося российского ученого-эколога Н.Ф. Реймерса (Экологический ф-т Московского независимого эколого-политологического университета).

Исчерпывающее определение этнической экологии и её исследовательских задач когда-то дал В.И. Козлов (1983: 8; см. также - Козлов, 1994: 65), и ныне это подход разделяет большинство специалистов (см., например: Крупник, 1989: 11; Прохоров, 2000: 315; Ямсков, 1999).

Понятие *экологическая ниша* обычно трактуется как “функциональное место вида в экосистеме, определяемое прямыми и обратными связями ... с остальными видами ... и абиотическими факторами среды” (Реймерс, 1980: 107; см. также - Реймерс, 1994: 71, 87). Широко известна метафора, что экологическая ниша обозначает своего рода “профессию” биологического вида, а местообитание - его “адрес”, и что, следовательно, это разные (притом разно-

С. 48

уровневые) экологические понятия. В наиболее полном виде экологическая ниша обычно определяется биоэкологами как совокупность (а) необходимых для данного вида условий среды обитания [многомерная ниша], (б) положения вида в пищевой сети [трофическая ниша], и (в) местообитания [пространственная ниша] (Одум, 1986: 119).

Естественно, в антропоэкологии и, в частности, в этноэкологии “... могут быть использованы некоторые биологические термины и понятия, но они приобретают там специфическое содержание” (Козлов, 1994: 50). Поэтому о возможной трактовке обсуждаемого термина в этнической экологии речь пойдёт отдельно, в самом конце данной работы.

Заявленный выше тезис о том, что в антропоэкологии понятие *экологическая ниша* встречается крайне редко или же вовсе не используется, можно подтвердить следующими наблюдениями. Так, в известной обобщающей монографии Н.Ф. Реймерса этот термин применяется только в биоэкологическом контексте, а вот в многочисленных экскурсах в самые разные области антропоэкологии автор его не использует (Реймерс, 1994). Академик В.П. Алексеев применял данный термин лишь изредка, как синоним местообитания и только применительно к биоэкологическим по сути сюжетам о ранней эволюции высших приматов, а в исследованиях экологических проблем и социально-культурных механизмов адаптации гоминид и вида *Homo sapiens* он им фактически не пользовался (см., например: Алексеев, 1998). Не нашлось места для данного термина и в недавно вышедшем фундаментальном словаре-справочнике Б.Б. Прохорова (2000). Исключением на этом фоне смотрятся работы Т.И. Алексеевой, но она обращает внимание прежде всего на морфофизиологические аспекты адаптации человека к климатическим условиям, высоте местности, болезнетворным микроорганизмам и рациону питания (см., например: Алексеева, 1998).

Ещё более убедительно отмеченное выше парадоксальное отсутствие либо некорректное употребление термина *экологическая ниша* характеризует этническую экологию. Так, этого понятия вообще не было в установочной статье В.И. Козлова (1983), а в его монографии термин используется эпизодически и лишь как метафора, будучи всегда закавыченным и означая природную зону, или местообитание (Козлов, 1994: 61, 75). Обошлись без него и авторы фундаментальных работ, прямо или отчасти касающихся проблематики этнической экологии - И.И. Крупник (1989), С.А. Арутюнов (1989: 200-245), а также участники известного среди этноэкологов коллективного исследования (Культура жизнеобеспечения ..., 1983). Правда, в одной из первых в нашей стране статей, посвященных этнокультурной специфике взаимодействия общества и природы, понятие экологической ниши было применено, но фактически как синоним местообитания, т.е. не вполне корректно (Бромлей, 1981: 254).

Как известно, с точки зрения исследовательских задач близким аналогом отечественной этноэкологии является американская *экологическая антропология*, до начала-середины 1960-ых гг. более известная как *культурная экология* (см. подробнее: Козлов, Ямсков, 1989). Здесь положение с интересующим нас термином *экологическая ниша* не столь однозначно.

С одной стороны, к классике этого направления социально-культурной антропологии заслуженно относится давнее исследование норвежца Фредрика Барта в местности Сват (Северный Пакистан). Он описал, как три этноса - пуштуны (патаны), кохистанцы и гуджары - сосуществуют друг с другом в одном горном регионе, расселяясь отчасти чересполосно, но занимая в значительной степени неперекрывающиеся экологические ниши и потому минимизируя конкуренцию за ресурсы и потенциал межэтнической конфликтности. Это объясняется тем, что пуштуны как наиболее многочисленный и организованный в военно-политическом отноше-

С. 49

нии народ несколько столетий назад захватили в регионе все те участки речных долин, где по климатическим условиям можно выращивать два урожая в год и где поэтому можно эффективно заниматься орошаемым земледелием, проживая оседло и круглогодично выпасая скот в окрестностях поселений. Оседлые земледельцы-кохистанцы были оттеснены в верхние части речных долин, где они занимаются богарным земледелием, выращивая один урожай в год, и отгонным скотоводством, используя летом недалекие альпийские пастбища и заготавливая на зиму корма для скота в окрестностях своих поселений. Наконец, гуджары в регионе занимаются либо кочевым скотоводством, проводя со своими стадами лето в горах

рядом с пастухами-кохистанцами и спускаясь на зиму в места расселения пушгунов, либо работают по найму в поселениях пушгунов и, реже, кохистанцев, выпасая их скот летом в высокогорье, а зимой - в районе пушгунских селений (Barth, 1958).

Таким образом, Ф. Барт ввёл понятие *экологическая ниша* в культурную экологию и, шире, в социально-культурную антропологию, определив его следующим образом: "... ниша - положение, которое (этнокультурная - А.Я.) группа занимает в среде обитания, с учётом её связей с ресурсами и конкурентами" (Barth, 1958: 1079). С тех пор термин в трактовке Ф. Барта и резюме его исследования практически всегда включается даже в университетские учебники по экологической антропологии (Moran, 1982: 51) или культурной экологии (Netting, 1986: 88-89).

С другой стороны, и в экологически ориентированных исследованиях в англоязычной социально-культурной антропологии в действительности не очень много работ, в которых плодотворно использовался бы этот термин. По сути исследование Ф. Барта, основанное на операциональном использовании понятия экологическая ниша применительно к человеку и разграничении экологических ниш различных этнокультурных групп в полиэтническом регионе, осталось одним из немногих успешных опытов такого рода. В целом ряде других случаев этот термин тоже применялся специалистами в области археологии или социально-культурной антропологии, но чаще всего некорректно, т.е. для обозначения местообитаний или биотопов (Ellen, 1982: 83).

Итак, за рубежом понятие экологической ниши, несмотря на активнейшее развитие эколого-антропологических исследований механизмов и результатов культурной адаптации в 1960-ые - 1970-ые гг. (Козлов, Ямсков, 1989), также не стало общепотребительным. Однако можно согласиться с крупнейшими специалистами в области социально-культурной антропологии Ф. Бартом, Роем Элленом и Д. Хардести в том, что ключевыми характеристиками экологической ниши человека являются именно используемые им природные ресурсы, прежде всего (но не только!) пищевые и те, что необходимы для производства продуктов питания (Barth, 1958: 1079; Ellen, 1982: 81-86; Hardesty, 1977: 109-160, 289).

* * *

Первый вопрос, на который следует ответить, связан с причинами сложившегося положения. Видимо, отечественные этноэкологи и зарубежные эколого-антропологи просто не ощущают острой потребности в обращении к понятию *экологическая ниша*, поскольку выражают его основное содержание посредством иных понятий. Дело в том, что базовыми и наиболее активно используемыми в этих областях знания терминами являются *адаптация*

(adaptation) и *жизнеобеспечение* (subsistence). Этот тезис прямо постулируют В.И. Козлов (1994: 51-52, 70-96) и И.И. Крупник (1989: 14-17), его же имплицитно придерживаются С.А. Арутюнов (1989) и авторы упомянутой методологически очень важной коллективной монографии (Культура жизнеобеспечения ..., 1983). Сходная в этом плане ситуация сложилась и за рубежом (Ellen, 1982; Moran, 1982; Netting, 1986).

С. 50

Действительно, говоря о культурной адаптации какого-либо сообщества, мы в первую очередь локализуем и описываем район его расселения и анализируем природные ресурсы, за счёт которых существует данная группа. Эти ресурсы во многом определяют образ жизни и систему питания населения, а к природно-географическим условиям территории расселения и образу жизни приспособлены одежда, жилище, поселения этих людей. Изучение системы жизнеобеспечения заставляет нас более пристальное внимание уделять технологиям изъятия ресурсов географической среды и их переработки либо иных способов постоянной эксплуатации, а также организации потребления получаемой продукции. Таким образом, в результате оперирования только этими понятиями адаптации и жизнеобеспечения мы в сущности получаем почти всю ту информацию, которую могло бы дать последовательное использование понятия экологической ниши при изучении данного сообщества.

Кроме того, в отечественной этнологии сложилась концепция хозяйственно-культурных типов (далее - ХКТ), а в англоязычной социально-культурной антропологии - практически аналогичные представления о "системах обеспечения средствами существования", или системах жизнеобеспечения (systems of subsistence). Напомню, что понятие ХКТ впервые появилось в конце 1940-ых гг. (Левин, 1947) и получило окончательное оформление в середине 1950-ых гг. (Левин, Чебоксаров, 1955), а позже В.П. Алексеев наполнил его экологическим содержанием, связав с концепцией антропогеоценоза (Алексеев, 1975). Параллельно к подобным идеям пришли и американские социально-культурные антропологи (см., например, структуру монографии Р. Неттинга - Netting, 1986), но это произошло несколько позже и к тому же у них до сих пор выделение систем жизнеобеспечения не основывается на столь строгих и детальных исследовательских процедурах, как в случае с ХКТ.

Однако когда мы в итоге относим изученную группу населения к какому-то ХКТ, например, к "хозяйственно-культурному типу кочевников-скотоводов степей и полупустынь умеренного пояса", то тем самым фактически характеризуем занятую этой группой экологическую нишу. Так, в данном случае в названии ХКТ практически представлена следующая информация: прямо - о местообитании (степи и полупустыни), косвенно - о климатических

и иных абиотических и биотических условиях среды обитания, типичных для этой природной зоны. Термин “кочевник-скотовод”, конечно же, несёт в себе информацию об основных используемых ими природных ресурсах (естественный растительный покров), позволяющих скотоводам получать пищу (молочные и мясные продукты), топливо (кизяк) и материалы (шкуры, шерсть и производимый из неё войлок) для изготовления одежды и переносных жилищ-юрт, а также товары (скот, шерсть и skins, сыр и масло) для обмена с земледельцами на растительные продукты питания (муку), ткани и одежду из растительных волокон, орудия труда и т.п.. Таким образом, мы получили, если вдуматься, почти законченное описание соответствующей экологической ниши кочевников-скотоводов по всем её основным параметрам - местообитанию, природным ресурсам и природным условиям.

Из сказанного можно понять причину того, почему термин экологическая ниша оказался столь непопулярен среди этноэкологов, в отличие от биоэкологов. Однако отсюда ещё не следует, что его использование в этноэкологических исследованиях в действительности не является оправданным или продуктивным.

Напротив, есть как минимум две области этноэкологических исследований, в которых именно последовательное применение понятия эко-

С. 51

гическая ниша позволяет вскрыть весьма интересные закономерности, которые иными путями обнаружить почти невозможно.

* * *

Прежде всего речь может идти о выявлении вероятных причин этнических конфликтов. Вспомним, что Ф. Барт (Barth, 1958) писал о полиэтничном регионе (Свате) и конкуренции населяющих его этнических групп за ресурсы, которая снимается в случае занятия ими разных экологических ниш, т.е. при переходе к эксплуатации различных природных ресурсов. Но ведь может быть справедливым и обратный вывод - появление конкуренции и конфликта между этническими группами там, где они из прежде разных экологических ниш “стягиваются” в одну нишу под воздействием демографического роста и вынужденного отказа от более экстенсивных форм природопользования либо процессов социо-культурной модернизации, переходя к зависимости от одних и тех же ресурсов полиэтничного по составу населения региона.

В качестве примера продуктивности такого подхода приведу основные выводы из своей давней работы о ведущих причинах территориальных этнических конфликтов в ре-

гионах былого распространения кочевого и пастушеского скотоводства на Кавказе (Ямсков, 1993). В начале отметим, что кочевничество было не просто одним из типов традиционного хозяйства, но особым образом жизни этнических групп, при котором вместе со стадами между сезонными пастбищами регулярно перекочевывали полные семьи скотоводов, включая не работающих маленьких детей и стариков. Пастушеское горное скотоводство, как и кочевое, тоже составляло основу традиционного хозяйства соответствующих этнических групп (правда, наряду с горным земледелием) и также предполагало регулярные дальние сезонные перегоны скота между летними высокогорными и зимними равнинно-предгорными пастбищами. Однако в этом случае вместе со стадами, в отличие от кочевого скотоводства, передвигались только работоспособные мужчины-пастухи, семьи которых постоянно жили в горных селениях. На Кавказе в начале XX в. были широко распространены оба хозяйственно-культурных типа в их различных локальных вариантах (Ямсков, 1986).

До начала-середины 1930-ых гг., т.е. до насильственной коллективизации и одновременной седентаризации, полукочевые и кочевые скотоводы-азербайджанцы исторического Карабаха на 5-6 теплых месяцев года практически полностью перекочевывали на летние пастбища в горах бывшей Нагорно-Карабахской Автономной области, Лачинского и Кельбаджарского районов Азербайджана и восточных районов Армении. На зимних пастбищах Мильско-Карабахской степи (равнинные районы Азербайджана в треугольнике между Нагорным Карабахом, реками Курой и Араксом) летом оставалась только очень незначительная часть азербайджанского населения (подробнее см.: Ямсков, 1998: 180-183). В Дагестане многие лакские, даргинские, аварские горные селения издавна жили в основном за счет пастушеского скотоводства и на зимние равнинные пастбища в Кумыкию или казачьи районы к северу от Терека уходила большая часть мужчин. Некоторые селения ингушей и чеченцев также специализировались на пастушеском овцеводстве и использовали зимние равнинные пастбища в районах расселения сунженских и терских казаков. Примеры можно умножить, но именно для указанных выше местностей в начале-середине 1990-ых гг. были характерны острые конфликты за контроль над территорией бывших пастбищ и скотопрогонных маршрутов.

С. 52

Принципиально важной характеристикой традиционного кочевого и пастушеского скотоводства являлись регулярность (т.е. из года в год без каких-либо пропусков) и постоянство (т.е. выбор одних и тех же участков) использования сезонных пастбищ. Эти пастбища - летние в зоне альпийских и субальпийских горных лугов, зимние в сухостепных и полупус-

тынных предгорьях и на прилегающих равнинах - не были пригодны для земледелия в силу природных условий, т.е. невозможности земледелия из-за недостатка тепла (в высокогорье) или воды для орошения (в предгорьях и на равнинах). Поэтому местное оседло-земледельческое население (армяне в горах Карабаха, кумыки в равнинном Дагестане, казаки в долинах рек Терек и Сунжа) не претендовало на полный контроль за этими землями. Формально летние и зимние пастбища принадлежали государству и арендовались скотоводами, но на практике в большинстве случаев каждый участок из поколения в поколение использовался одним и тем же "племенем" (азербайджанцы), "тейпом" (ингуши, чеченцы), "тухумом" или "родом" (горцы Дагестана). Соответственно у этих скотоводческих групп сформировалось твердое представление о сезонных пастбищах как исторически "своей земле". Действительно, без регулярного сезонного доступа к этим пастбищам они не могли бы сохранить свой образ жизни и облик традиционного хозяйства.

Таким образом, кочевые и пастушеские скотоводы и оседлые земледельцы Кавказа вплоть до начала XX в. занимали разные экологические ниши:

- (а) оседло-земледельческую, определявшуюся преимущественно лучшими в регионе почвенными, агроклиматическими и водными ресурсами тех местностей, где было возможно высокопродуктивное, чаще всего орошаемое земледелие (нижняя часть среднегорий, низкогорья и предгорья, речные долины на предгорных равнинах);
- (б) горную земледельческо-скотоводческую, определявшуюся довольно скудными почвенно-агроклиматическими ресурсами среднегорных поясов и пастбищными ресурсами высокогорий (летом) и предгорий и равнин (зимой);
- (в) кочевую скотоводческую, определявшуюся пастбищными ресурсами высокогорий (летом) и предгорий и равнин (зимой).

Эта экологическая дифференциация населения давала возможность сезонного занятия одной территории (местообитания) в предгорьях и на равнинах оседлыми земледельцами и кочевыми скотоводами либо горными земледельцами и скотоводами, т.е. сезонного явления чересполосного их расселения и/или землепользования, но при отсутствии реальной конкуренции за используемые природные ресурсы. С другой стороны, кочевые скотоводы и горные земледельцы и скотоводы зависели, полностью или в значительной степени, от одних и тех же пастбищных ресурсов и потому, из-за подобного существенного перекрытия их экологических ниш, не могли сосуществовать в пределах одного региона сколько-нибудь долгое время.

Массовое оседание кочевых или пастушеских скотоводов на сезонных пастбищах до установления Советской власти было практически невозможно в силу целого ряда причин, таких как:

1. экологические потребности домашних животных (туземные породы скота не могли выдерживать сезонную специфику кормов и летнюю жару на равнине, зимний холод в горах);
2. природные условия сезонных пастбищ (в альпийской и субальпийской зоне постоянные поселения отсутствуют из-за суровой и долгой зимы и невозможности земледелия; равнинные зимние пастбища в летний период

С. 53

были лишены воды, что также делало невозможным там постоянные поселения и получение устойчивых урожаев при богарном земледелии);

3. закреплённая в традиционной культуре скотоводческих групп высокая престижность:
 - а) занятия скотоводством (в противоположность земледелию),
 - б) кочевого образа жизни либо, у пастушеских групп, проживания в старости и захоронения в местах рождения - древних горных селах;
4. традиционное и официальное регулирование землепользования (прямой запрет, закреплённый в обычном праве народов Кавказа и полностью поддерживавшийся царскими властями, на самовольный перевод в пашню даже тех немногих окраинных участков сезонных пастбищ, где это было теоретически возможно).

Аграрная политика Советской власти в конце 1920-ых и начале 1930-ых гг. была нацелена на коренную трансформацию образа жизни и хозяйства всех так называемых "отсталых" этнических групп, в том числе и скотоводческих. Полукочевые и кочевые азербайджанцы были поэтому насильственно переведены на оседлость и превращены в земледельцев в районах зимних пастбищ Мильско-Карабахской степи, которые с этой целью были обводнены каналами и артезианскими скважинами. Одновременно началось обводнение зимних пастбищ Кумыкии и казачьих районов на Тереке и строительство на них новых постоянных земледельческих поселков для горцев, семьи которых также зачастую насильственно переселяли из страдавших от малоземелья и перенаселенности старинных горных селений. В Дагестане эта политика продолжалась вплоть до начала 1980-ых гг., так что кумыки в Кумыкии превратились в этническое меньшинство.

Иными словами, экологическая ниша скотоводческих народов была разрушена благодаря вмешательству извне, а они сами (по крайней мере, их часть) - обращены в оседлых земледельцев равнин, предгорий и среднегорий и потому превратились в конкурентов для

прямых потомков оседло-земледельческого населения этой части региона. Поэтому, например, с конца 1950-ых гг. в Нагорном Карабахе и в приграничных горных районах самой Армении шёл процесс неуклонного роста абсолютной численности и относительной доли местного азербайджанского населения, в основной своей части осевшего здесь в результате седентаризации их кочевых и полукочевых предков, причём часто наблюдались переселения азербайджанцев в постепенно пустевшие из-за урбанизации армянские селения (см. подробнее: Ямсков, 1998: 184-188).

В последние годы существования СССР, когда имело место распространение идеала суверенной национальной государственности или национально-территориальной автономии, потомки скотоводов и земледельцев вступили в острые конфликты за право контроля уже над всей территорией своего нынешнего (или недавнего сезонного) расселения и, соответственно, создания на этой территории своей государственности. Ведь в конце 1980-ых гг. ещё были живы азербайджанцы, родившиеся в 1920-ые годы на летних пастбищах в пределах нынешнего Нагорного Карабаха; многие лакцы, даргинцы и аварцы жили тогда в “новых” поселках именно на тех самых участках Кумьжской равнины, где они ещё подростками учились у отцов и дедов зимнему выпасу овец и ежегодно проживали в землянках по 4-5 месяцев. Для этих людей использовавшиеся ими и их предками земли сезонных пастбищ - “родные” и “свои” по историческому праву. Но местные земледельцы (армяне в горах Карабаха, кумыки, казаки), напротив, воспринимают потомков скотоводов как недавних (Дагестан, Северный Кавказ) или потенциальных (Нагорный Карабах) пришельцев извне на исторически “их” земли, к тому же претендующих на полную власть в тех местностях, куда их недавних предков допускали из милости или по экономическим соображениям.

С. 54

Таким образом, территориальные этнические конфликты в регионах бывшего распространения кочевого и пастушеского скотоводства отличаются наибольшей сложностью, поскольку обе стороны (потомки скотоводческих и оседло-земледельческих этнических групп) убеждены в принадлежности спорных территорий прежде всего им на основе справедливости, исторического права и здравого смысла. Определенная логика есть в позициях обеих сторон, но ещё более осложняет положение то, что внешняя сила (Советское коммунистическое государство), осуществившая насильственную модернизацию образа жизни, хозяйства и культуры скотоводов и тем самым породившая современную конфликтную ситуацию, ныне исчезла и к тому же официально резко осуждается за многочисленные ошибки и жестокости.

Проблема территориального размежевания или налаживания добрососедского сосуществования этнических групп, прежде занимавших различные экологические ниши на одной территории, но вследствие насильственной или стихийной унификации образа жизни и хозяйства вступивших в конфликт за право политического контроля над всей этой территорией со всеми ее природными ресурсами, весьма актуальна политически, но крайне сложна с научной и практической точек зрения. Однако в любом случае нельзя игнорировать особый характер такого рода территориальных конфликтов, где обе стороны по своему правы и в своих территориальных требованиях опираются на реальные рассказы собственных отцов или дедов, а не только на исторические документы или предания и мифы.

* * *

Другим примером продуктивности использования понятия *экологическая ниша* в этноэкологии могут служить исследования исторической эволюции хозяйства и природопользования. В частности, мне уже доводилось писать об этом (Ямсков, 2002), и наиболее существенные выводы заключаются в следующем.

Историю человечества можно рассматривать сквозь призму этноэкологии, т.е. как процесс последовательной смены экологических ниш на Земле, занятых представителями одного биологического вида *Homo sapiens* или видами-предшественниками. Важнейшая отличительная особенность человека, не имеющая параллелей в живой природе Земли, заключается в возможности занятия этим единым видом принципиально разных экологических ниш, что обеспечивается приоритетной ролью социо-культурной составляющей в процессах его адаптации.

Видимо, само появление Человека, в философском смысле этого слова, можно отсчитывать именно с момента занятия представителями одного вида, входящего в род *Номо*, разных экологических ниш на Земле или же освоения ими практически всех ландшафтных зон планеты, ибо выход одного из видов приматов за пределы субтропиков и тропиков не мог обеспечиваться только лишь морфофизиологическими (т.е. биологическими) механизмами адаптации. В равной степени и Культуру, как философскую категорию, можно определять как такой комплекс средств и результатов внебиологической групповой адаптации к условиям географической среды, который позволяет одному биологическому виду осваивать разные природные зоны Земли и занимать в них различные экологические ниши.

Историческая последовательность освоения видом *Homo sapiens* экологических ниш, т.е. выработки им соответствующих типов культурной адаптации, хорошо известна. Последние названы нашими этнографами “хозяйственно-культурными типами” (ХКТ), причем

появление новых ХКТ никогда не означало полного исчезновения более ранних. Так, человек современного вида унаследовал от предшествовавших видов гоминид эко-

С. 55

логическую нишу неоседлых охотников-собирателей тропических областей, в мезолите давшую трансформированный вариант ниши частично оседлых рыболовов и охотников (в основном в долинах рек с сезонным ходом лососевых). В ходе Неолитической революции были освоены различные варианты ниш земледельцев и скотоводов, а в период Промышленной революции - особая экологическая ниша, занятая современными индустриальными и постиндустриальными обществами.

Очевидно, что освоение человеком каждой новой экологической ниши сопровождалось переходом на зависимость от принципиально иных пищевых и/или энергетических природных ресурсов - в начале от ресурсов промысловых животных суши и дикоросов к рыбным и другим биоресурсам гидросферы, а затем и к ресурсам естественного плодородия почв на обработанных полях и естественной растительности пастбищ. Наконец, в современных обществах, - к внебиосферным ресурсам ископаемого углеводородного топлива и различным минеральным ресурсам литосферы, без использования продуктов переработки которых ныне невозможно наладить крупнотоварное производство продуктов питания для абсолютно преобладающего в таких обществах городского населения.

Особо следует отметить историческую трансформацию энергетических связей человека со средой обитания, ярко отражающую качественные изменения в механизмах культурной адаптации при смене освоенных экологических ниш.

Первым фундаментальным преобразованием энергетических связей с природной средой у предшествовавших современному человеку видов гоминид стало применение огня. Использование огня для приготовления пищи привело к тому, что при ее употреблении в вареном или жареном виде увеличилась положительная разница между количеством энергии, усваиваемой из термически обработанных продуктов питания, и энергетическими затратами организма на их переваривание. Важную роль сыграла также возможность обогревать жилища, поэтому использование огня, наряду с совершенствованием жилища и одежды, позволило человеку выйти из тропиков. Значительную роль огонь сыграл также в организации охотничьего хозяйства (выжигание растительности в травянистых экосистемах с целью привлечения копытных животных молодой порослью трав и уничтожения древесно-кустарниковых видов растений, применение огня в загонных охотах) и в обеспечении безопасности стоянок от крупных хищников.

Видимо, именно регулярное использование огня стало тем рубежом, после которого мы и можем говорить о появлении Человека как биологического вида, качественно отличного от всех других видов животных с точки зрения принципиально важных особенностей занятой им экологической ниши. Тогда же произошло и рождение Культуры как особого и не имеющего параллелей в мире животных способа внебиологической групповой адаптации к условиям природной среды. С другой стороны, ни прямохождение само по себе, ни регулярное использование готовых предметов (т.е. камней, рогов и костей крупных животных, палок и т.п.) в качестве “предорудий” и формирование своего рода локальных “культурных традиций” такого рода действий, передающихся путём подражания (как это имеет место ныне у части шимпанзе при использовании ими камней для раскалывания орехов и что гипотетически было характерно для некоторых видов австралопитеков), ни даже изготовление и постоянное применение настоящих сложных орудий труда (типа каменных рубил) таким фундаментальным рубежом между Человеком и Животным не являлись.

С. 56

Не являлись, ибо не сопровождались качественной трансформацией вещественно-энергетических связей соответствующего вида гоминид и географической среды, т.е. преобразованием их экологической ниши.

Второй принципиальный скачок в развитии энергетических связей человека со средой произошел при переходе от сжигания им наземной органики (т.е. биосферных ресурсов энергии - древесины и т.п.) к сжиганию углеводородного топлива, добываемого из-под земли (уголь, нефть, газ и др.). Таким образом, в качестве основного источника энергии в промышленно развитом и постиндустриальном обществах стали в основном использоваться законсервированные в литосфере остатки былых биосфер, давно уже выведенные из постоянно идущего круговорота веществ и потоков энергии в современной биосфере Земли.

Иначе говоря, современные индустриальные и постиндустриальные общества занимают экологическую нишу, ключевыми ресурсами которой являются невозобновимые минеральные ресурсы и ископаемое топливо. Однако их запасы на Земле конечны, а следовательно, и сама эта ниша может иметь лишь временный характер. Более того, использование подобных ресурсов неизбежно сопровождается вводом новых веществ и объемов энергии, извлеченных из глубин Земли или же синтезированных промышленностью (например, химической или атомной энергетикой), в потоки веществ и энергии, циркулирующие в биосфере, а следовательно, и неминуемым изменением этих потоков, т.е. техногенным загрязнением окружающей среды.

Не менее тревожным сигналом для будущего человечества является то, что со второй половины XX в. началось исчезновение на Земле традиционных обществ, до недавних пор продолжавших занимать другие экологические ниши. Т.е. постепенно исчезает многообразие синхронно сосуществующих на Земле типов культурной адаптации человека, что с неолита являлось характерной и уникальной чертой вида *Homo sapiens*. Следовательно, к концу XX в. человечество впервые столкнулось с уменьшением своего адаптивного потенциала. В определенном смысле история пошла как бы вспять, постепенно возвращая нас к тому состоянию, когда все люди на Земле занимали однотипные экологические ниши, как, например, в палеолите все они занимали ниши охотников-собирателей, хотя и в различных природных зонах. Однако последние могли существовать столь же долго, сколько существует биосфера и виды населяющих ее крупных и средних по размерам млекопитающих, тогда как современные индустриальные и постиндустриальные общества в силу специфики их природно-ресурсной базы и экологических последствий промышленного производства могут иметь только временный характер. Даже успешный переход к экологически “устойчивому развитию”, на который ныне возлагают столь много надежд, обеспечив выигрыв во времени, не превратит занятую нами экологическую нишу в “вечную”.

Таким образом, если у человечества есть будущее, то его обеспечит отнюдь не оптимизация способов эксплуатации экологической ниши, используемой ныне современными обществами. Действительным выходом может быть либо открытие принципиально новых, экологически безопасных и экономически эффективных источников энергии, способных полностью заменить ископаемое топливо (третий скачок в развитии энергетических связей человека со средой обитания), и практически полный отказ от использования невозобновимых минеральных ресурсов глубинных частей литосферы, либо же расширение среды обитания и хозяйственной деятельности человечества за пределы Земли, в Космос, и нахождение уже

С. 57

там новых источников сырья и энергии и мест для экологически опасных производств или же для консервации токсичных отходов промышленности. В любом случае речь идёт об освоении принципиально новых экологических ниш как единственном реальном выходе из близящегося экологического кризиса индустриальных и постиндустриальных обществ, связанного с загрязнением окружающей среды и истощением основных энергетических ресурсов.

Итак, понятие экологическая ниша может быть весьма продуктивным в этноэкологических исследованиях, так как его последовательное использование позволяет по новому взглянуть на многие проблемы, будь то вероятные причины межэтнической конкуренции и конфликтов за ресурсы, или же особенности исторической динамики и перспективы взаимодействия общества и природы. Думается, что оно должно обязательно присутствовать в учебных курсах по этнической экологии.

Вместе с тем вряд ли этот термин когда-либо займёт в этноэкологии положение, хотя бы отчасти сравнимое с его положением в биоэкологических исследованиях. Дело прежде всего в том, что использование понятия экологической ниши уже предполагает рассмотрение явлений на очень высоком уровне генерализации, ведь в биоэкологии оно характеризует положение вида в экосистемах. Этническая экология, напротив, чаще всего связана с изучением взаимодействия с географической и социальной средой местных, или локальных сообществ, т.е. предполагает совершенно иной масштаб исследуемых явлений. Когда же речь заходит о необходимости обобщения полученных результатов, то оказывается, что многие широко распространённые понятия этнической экологии и этнологии в целом, особенно такие, как система жизнеобеспечения или хозяйственно-культурных тип, в значительной степени передают то же самое содержание.

Наконец, рассмотрим вопрос об определении понятия экологической ниши в этноэкологии. Конечно же, оно должно в чём-то отличаться от приведённого в самом начале статьи полного его определения биоэкологом Ю. Одумом (Одум, 1986: 119). Вместе с тем между ними не может быть и существенных противоречий.

Основываясь на опыте предшествовавших исследований и преподавательской деятельности, можно предложить к обсуждению следующее рабочее определение: в этнической экологии экологическая ниша, занятая обладающей этнокультурной спецификой локальной группой населения, характеризуется используемыми природными ресурсами, определяющими образ жизни, пищевой рацион и бытовое энергопотребление населения, и природными (абиотическими и биотическими) условиями зональных и иных ландшафтов освоенных территорий, влияющими на здоровье людей.

Литература:

1. Алексеев В.П. Антропогеоценозы - сущность, типология, динамика // Природа, 1975, №7, с. 18-23.
2. Алексеев В.П. Экология человека: предмет, границы, структура, функции // Предмет эко-

логии человека. Часть I. М., 1991, с. 142-192.

3. Алексеев В.П. Очерки экологии человека. М.: изд. МНЭПУ, 1998.
 4. Алексеева Т.И. Адаптация человека в различных экологических нишах Земли (биологические аспекты). М.: изд. МНЭПУ, 1998, 280 с.
 5. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989, 247 с.
- С. 58
6. Бромлей Ю.В. Этнические аспекты экологии человечества / Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981, с. 245-256.
 7. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография (далее - СЭ), 1983, №1, с. 3-16.
 8. Козлов В.И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М.: изд-во ИЭА РАН, 1994, 230 с.
 9. Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. Ред.: Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. М.: Наука, 1989, с. 86-107.
 10. Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989, 272 с.
 11. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Отв. ред.: Арутюнов С.А., Маркарян Э.С. Ереван: изд. АН АрмССР, 1983, 319 с.
 12. Левин М.Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1947, т. 2, с. 84-86.
 13. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // СЭ, 1955, №4, с. 3-17.
 14. Мамедов Н.М., Суравегина И.Т., Глазачев С.Н. Основы общей экологии. Федеральный учебник для старших классов общеобразовательной школы. М.: изд. "МДС", 1998, 272 с.
 15. Одум Ю. Экология. Т. 2. М.: "Мир", 1986, 376 с.
 16. Прохоров Б.Б. Прикладная антропоэкология. М.: изд. МНЭПУ, 1998, 312 с.
 17. Прохоров Б.Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. М.: изд. МНЭПУ, 2000, 364 с.
 18. Реймерс Н.Ф. Азбука природы (микроэнциклопедия биосферы). М.: изд. "Знание", 1980, 208 с.
 19. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: изд. "Россия молодая", 1994, 367 с.

20. Ямсков А.Н. Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа // СЭ, 1986, №5, с. 22-34.
21. Ямсков А.Н. Причины территориальных этнических конфликтов в регионах бывшего распространения кочевого и пастушеского скотоводства на Кавказе // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. Материалы Всероссийской конференции. Омск, 1993, с. 322-326.
22. Ямсков А.Н. Традиционное землепользование кочевников исторического Карабаха и современный армяно-азербайджанский этнотерриториальный конфликт // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе. Ред.: Олкотт М., Малашенко А. М.: Московский Центр Карнеги, 1998, с. 168-197.
23. Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология // Программы по экологическим дисциплинам. Географический ф-т МГПУ. Ред.: Дмитриева В.Т., Воробьев А.Н., Ямсков А.Н. М.: изд. МГПУ, 1999, с. 105-126.
24. Ямсков А.Н. История человечества как процесс освоения экологических ниш: что впереди? // Материалы научной конференции "От истории природы к истории общества: прошлое в настоящем и будущем", секция "История взаимодействия природы и общества". Гл. ред.: Ганжа А.Г. М.: Российское философское общество, 2002, с. 18-20
25. Ямсков А.Н. Этноэкология и ее место в антропоэкологическом образовании на Географическом факультете МГПУ // Жизнедеятельность населения и антропоэкологическое образование на грани веков. Тезисы

С. 59

Всероссийской научной конференции, Москва, 18 марта 2003 г. Ред.: Прохоров Б.Б., Белоконь Л.С. М.: изд-во МНЭПУ, 2003, с. 87-89

26. Barth F. Ecologic Relationships of Ethnic Groups in Swat, North Pakistan // American Anthropologist, 1958, vol. 58, pp. 1079-1089.
27. Ellen R. Environment, Subsistence and System: The Ecology of Small-Scale Formations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982, 324 + xvi pp.
28. Hardesty D. Ecological Anthropology. New York: Wiley Press, 1977, viii + 304 pp.
29. Moran E. Human Adaptability. An Introduction to Ecological Anthropology. Boulder: Westview Press, 1982, 404 + xii pp.
30. Netting R. Cultural Ecology. 2nd edition. Prospect Heights (IL): Waveland Press, 1986, 131 + vii pp.

С. 60